

ГЛАВА II. План кампании, составленный восприимчивыми оппозиции, друзьями прав- ва. – Рабочая масса, следуя в первый раз своей собственной идее и действуя во имя её, разрушает все их расчёты

После того, как декретом 24 ноября сенату и законодательному собранию было возвращено до некоторой степени право голоса, в известных правительственных сферах стали считать оппозицию 1857 года слишком слабою даже в интересах самой власти. Победы, одерживаемые правительством в палате, не доставляли ему славы; это вредило блеску императорской прерогативы. Первая уступка помазала нацию по губам. Страна стала сожалеть о политических нравах июльской монархии. Эта прихоть могла сделаться опасною. Некоторые друзья империи желали для неё поэтому оппозиции более многочисленной, хотя умеренной, а главное, не враждебной династии.

Эта мысль, пущенная в ход умными головами либерального бонапартизма, была подхвачена на лету тою кликою, из которой могли выйти ораторы, в особенности ораторы независимые. Вот причина, почему литераторы, журналисты, адвокаты, академики, профессеры и т. д. толпами повалили записываться в кандидаты. Легитимисты и либералы, перекликаясь с

обоих крайних полюсов политического горизонта, пели Осанну примирения. Наконец, думали они, можно будет помериться силами в парламенте, хотя бы только ради назидания страны и ради чести свободы. Чего было бояться императорскому правительству кандидатов, поддерживаемых такими журналами, как *Presse*, *Opinion National*, *Siècle*, *Temps*, *Debats*?.. С другой стороны, как же было не радоваться этим журналам и их клиентам, видя, что Империя склоняется к парламентаризму? Буржуазия этим удовлетворялась; воздавалась честь политике и учреждениям 1830 года; сдерживалась вечно волнующаяся демократия; наконец, под покровительством императора скреплялся союз, составленный старыми партиями в 1848 году, в славной улице *Poitiers*, против социальной революции. И вот все простофили принялись рукоплескать.

Избирательная кампания была открыта согласно этому плану. В этом духе был составлен список кандидатов оппозиции. Правительство рассчитывало по крайней мере на половину парижских избирателей, как в 1857 году; оно не испугалось бы тридцати оппозиционных депутатов, выбранных департаментами. Список кандидатов Сены был составлен так, что не мог возбуждать никакого беспокойства, предполагая даже самый неблагоприятный результат.

Единственная трудность, но за то очень важная, состояла в том, чтобы недопустить демократию до какойнибудь возмутительной демонстрации. Демонстрация эта могла выразиться или отказом подавать голоса, или подачей безименных билетов, или наконец избранием лиц, открыто и энергически враждебных конституции. Первое затруднение были уверены победить с помощью журналов, которые все стояли за баллотировку, и при содействии буржуазии, более склонной, по примеру прежних вождей своих, говорить, чем молчать; что же касается безименных билетов, которых боялись больше всего, то против них можно было действовать теми же средствами, и кроме того большинство считало, что действовать таким образом все равно, что вовсе отказаться от участия в баллотировке. Наконец, со стороны народа правительство считало себя безопасным. В 1848 народ избрал Людовика Наполеона в президенты; в 1851 он принял плебисцит и участвовал в государственном перевороте; в 1852 он подал голос за Империю. Не было никаких причин полагать, чтобы расположение его с тех пор изменилось.

Если бы этот план удался, – а все заставляло предполагать, что он удастся, – то переход от самодержавной монархии к монархии конституционной мог бы совершиться без потрясений и без опасности для Наполеоновской династии, и притом в самую благоприятную минуту. Буржуазия возвратилась бы к своим старым обычаям; революционное движение было бы снова отклоненно, и явилась бы возможность принять меры на будущее время против всяких нечаянностей всеобщей подачи голосов.

Что за тем произошло, известно всякому. Династическая оппозиция в Париже обделала свои дела слишком хорошо. Администрация почти не получила представителей в столице; меньшинство её в Париже было самое жалкое, и все это нанесло правительству сильный нравственный урон. Теперь нам предстоит найти причину этого поражения, непредвиденного, неожиданного и до сих пор необъясненного.

И/. Парижские выборы. – Привожу цифры, ограничиваясь, относительно городских выборов, Сенскими, так как движение более или менее сильное было всюду одинаково. Вот как распределились в декабре 1851 года, после государственного переворота, голоса сенских избирателей;

Внесенных в список 392,026 Подающих голоса 296,390 За плебисцит 196,539 Против 96,497
Утраченных голосов 3,354 Отсутствующих 95,636

Примечание. На этих выборах правительство 2 декабря имело на своей стороне большинство 100,000 голосов против оппозиции, которая состояла преимущественно из буржуазии или, вернее, из лиц среднего класса, принадлежавших к прежней партии National'я и Reforme'ы; их поддерживала значительная часть народа. Но вообще род, которому было возвращено право всеобщей подачи голосов, стоял за государственный переворот.

Я не буду говорить о национальных выборах 1852 года, которые доставили Империи 300,000 голосов более, чем сколько оно имело в 1851: воспоминание о 2 декабря было еще слишком свежо; народное мнение не подвинулось вперед; к тому же известно, что демократия имела свои, более или менее уважительные, причины держаться в стороне.

Наступили выборы 1857 года, и вот их результат.

Внесенных в список 356,069 Подающих голоса 212,899 За кандидатов администрации 110,526 За кандидатов оппозиции 96,299 Утраченных голосов или антиконституционных 6,074 Отсутствующих или неподдающих голоса 143,170

Примечание. – Хотя число лиц, внесенных в список избирателей, уменьшилось с 1851 года на 35,957, тем не менее мы видим, что число отказывающихся от баллотировки увеличилось на 48,134; – число голосов за правительство понизилось с 196,530 на 110,526, т. е. на 86,013; – что число голосов оппозиции осталось почти неизменным: она потеряла около 198 голосов.

Итак, в 1857 в Париже существовала оппозиция в 100,000 голосов, почти не изменивших своего мнения в течение семи лет, между тем как правительство понесло значительный урон, получив вместо прежних 196,539 голосов только 110,526. к какой партии принадлежали неизвестные голоса, числом 44,000, увеличившие собою в 1857 число отсутствующих? Я, не колеблясь, говорю, что то были главным образом народные голоса, голоса работников, равнодушных к выборам или даже таких, между которыми начинало бродить неудовольствие.

Выборы 1863 года дают следующие результаты:

Внесенных в список круглым числом 326,000 Подающих голоса 240,000 За кандидатов правительства 82,000 За кандидатов оппозиции 153,000 Безименных билетов 4,556
Отсутствующих или неподдающ. голоса 86,000

Примечание. Число лиц, внесенных в список, еще уменьшилось с 1857: из 356,069 остается только 326,000 – разница в 30,000 голосов. Не смотря на это, число голосов, поданных за

правительство, понизилось с 110,526, на 82,000, – разница в 28,000, и, наоборот, 96,299 голосов, преданных оппозиции, усилились 57,000 голосов, перешедших в оппозицию из разряда отсутствовавших. Нет сомнения, что эти 57,000 голосов принадлежали народу, который со времени государственного переворота не являлся на выборы. По соображениям, приведенным нами выше, мы можем заключить, что из 153,000 голосов, поданных за оппозицию в 1863 году, по крайней мере половина принадлежит рабочей демократии.

После этого какое же значение, какой смысл имеют эти выборы?

В истории, может быть, не было примера, чтобы народ, в тесном смысле, в смысле сословия, в противоположность дворянству, буржуазии и церкви, заявил каким нибудь поступком собственную мысль, собственную волю. Народ умел всегда только кричать: Да здравствует император! или Да здравствует король! или Да здравствует господин! или Да здравствует хозяин! Римский плебей, создав империю, не основал ничего; напротив, он все разрушил. Он всегда неизменно выражал только одно: ненависть к патрициям. Сам он не произвел никакой идеи; распри его с патрициями были просто бунты эксплуатируемых клиентов, чтобы не сказать – рабов. Дав Цезарю и его преемникам, до Августа включительно, бессменную диктатуру, римский народ уничтожил республику и заменил ее самодержавием. Что значили во Франции народные выборы с 89 года? Подражание или, вернее, содействие мещанским выборам. Народ играл в политику, как дети в солдатики. Ни санкюлотизм, ни робеспьеризм, ни бабувизм, ни бонапартизм не могли дать всеобщей подаче голосов самобытности и значения. в 1799, 1804, 1815 годах народ вотировал за своего императора, а вовсе не за себя. Хартия 1814–1830 лишила массу права подачи голосов. Но что потеряла она чрез это? Что потеряли общественное право и свобода? Ровно ничего. Сам народ, повидимому, нисколько не жалел об этом. Февральская республика возвращает ему избирательное право. Но как он пользуется этим правом? Он выбирает преимущественно буржуа, орлеанистов, легитимистов, бонапартистов, республиканцев – кого ни попало, да вдобавок еще попов, монахов, поэтов и епископов. в учредительном и законодательном собраниях большинство реакционеры. Потом народ избирает до трех раз Людовика Наполеона. Где тут, спрашиваю, державная, самостоятельная мысль?

И вот вдруг, через двенадцать лет по восстановлении империи, этот народ без всякой видимой причины делает крутой поворот, и 57,000 избирателей, рукоплескавших в 1851 году государственному перевороту и с тех пор хранивших молчание, внезапно переходят на сторону оппозиции и численным перевесом решают парижские выборы против правительства. Что же имеет народ против своего великого избранника? На что он жалуется? Жаловаться! Это значило бы, что, по примеру старого дворянства, буржуазии и духовенства, народ понимает себя, как сословие; что на политику он смотрит с точки зрения своих особенных сословных интересов и стремится управлять правительством в своих особенных видах[6]. Но ничего подобного никогда не было ни прежде, ни после революции.

Вот это то и составляет характеристическую черту девятнадцатого века. В ней также нет ничего удивительного, как в полигамии и рабстве времен патриархов, как в феодализме и папстве средних веков.

Когда между монархией божественного права и рабочей сельской и городской массой стояли посредствующие классы духовенства, дворянства и буржуазии, или среднего сословия, народ не мог выйти на политическую арену: он не принадлежал себе; каждый простолудин зависел от какого нибудь патрона, от господина, епископа или аббата. Революция 89 года разорвала эту связь; народ предоставлен самому себе, и из него составилась класс пролетариев, работников на задельной плате, в противоположность классу собственников и капиталистов. в 1848 году социализм, овладев этой нестройной массой, дал ей первую организацию: он создал из неё особое тело, вдохнул в неё мысль, душу, создал ей права, внушил различные идеи: право на труд, уничтожение задельной платы, пересоздание собственности, ассоциацию, искоренение пауперизма и т. д. Одним словом, простой народ, который до 1848 был ничто, который едва отличался от буржуазии, хотя с 89 года и составлял отдельное сословие *de jure et de facto*, вдруг приобрел самостоятельность, благодаря именно тому, что был лишен всего и противопоставлен классу землевладельцев и промышленных эксплуататоров. Теперь, подобно буржуазии 1789 года, он стремится стать всем.

Теперь для нас становится ясно настоящее и даже будущее. В 1848 году народ еще не понимал своего положения; не знал, в чем состоят его выгоды; не сознавал своей идеи, и еще менее мог выработать из неё какую нибудь политическую систему. Первой мыслью толпы, привыкшей к рабству, было избрать себе повелителя. Повелителем этим сделался Наполеон. Так римские плебеи предалися Цезарю, так мятежные невольники предалися Спартаку.

Но восстановление империи не есть еще окончательное решение. По странной прихоти судьбы вышло так, что Людовик Наполеон, представитель народа, был в тоже время избран покровителем интересов буржуазии, блюстителем старого общественного порядка, пересоздание которого очевидно составляет задачу современного плебея. Очевидно, что после двенадцати лет ожидания народ отвернулся от него. Подобно буржуазии, которая хмурится и делает оппозицию своим конституционным государям всякий раз, как интересы её страдают, народ вступил в оппозицию против своего избранника. Мы уже знаем результат этой оппозиции, и теперь важно не обмануться в нем.

В 1863 и 1864 народ, вотируя за одно с известной частью буржуазии и давая свои голоса её кандидатам, вовсе не имел в виду поддерживать систему парламентской монархии и делать законную оппозицию; он ни под каким видом не хочет правления, обыкновенно называемого Орлеанизмом. Его не обманула интрига, имеющая целью, с помощью июльских постановлений и конституции преобразовать империю в пользу Бонапартов, устранив навсегда Орлеанов. Он понял сокровенный смысл этой оппозиции, узнал маски, разгадал стремления кандидатов. Он чувствовал, какое поругание нанесено свободе избирателей. Он был возмущен отступничеством и присягами некоторых лиц, и в людях, которых он посылал в законодательный корпус, он уже видел врагов своей идеи, союзников реакции. Мог ли он не знать, что г. Жирарден, задушевный друг принца Наполеона, человек, открыто проповедующий политический индифферентизм, станет работать в интересах императорского *status quo*? что г. Геру пристал к империи с большинством сен-симонистов? что сердечное согласие господствует между господами Авеном и де Персиньи? Мог ли он забыть, что г. Жюль Фавр, экс-секретарь министерства внутренних дел во время

республики, поддерживал в 1848 президентство Наполеона против республиканских кандидатов, за одно с гг. Жирарденом, Виктором Гюго, Гарнье-Паже и т. д.; или как строг был в Марсели к социалистам г. Эмиль Оливье, исполнявший должность префекта и при временном правительстве, и при президентстве?

Какое же было дело народу до этих людей, до их мнений и до их прошлого? Он страстно хотел лишь одного: заявить свой разрыв с правительством, от которого он так мало ждал – и, чтобы вернее достигнуть своей цели, он забыл все нанесенные ему оскорбления, кроме последнего – отказа принять его кандидатов[7].

Никто не давал себе труда подумать, выгодно ли рабочему классу соединиться с буржуазией в великой избирательной манифестации? не нарушает ли его интересов принятие присяги, служащей залогом, если не безусловной преданности империи, то по крайней мере согласия на программу законной оппозиции? Не решительнее ли был бы голос народа, не решительнее ли был бы удар, если бы урны наполнились безименными билетами и парижские выборы не состоялись бы? Но идеи еще недостаточно ушли вперед; общественное мнение еще не созрело; все воображали, что избрание представителей составляет главную сущность пользования правом подачи голосов, и все были заняты только тем, чтобы выборы пали на людей, которые, независимо от их сокровенных стремлений, как кандидатов, были бы известны, как противники правительства.

Будем говорить правду с резкою откровенностью: кажется, будто рабочий класс, которому здесь впервые предстояло говорить от своего собственного имени, привыкнув более действовать силою, чем работать головой, только о том и заботился, чтобы доказать, что у него большинство и сила и что к этим преимуществам он сумеет присоединить отныне волю и решимость; что для него также легко уничтожить, как и создать большинство, и что, дав Людовику Наполеону в 1848 году пять с половиной миллионов голосов, в 1851 – семь с половиной, в 1852 – семь миллионов восемьсот двадцать четыре тысячи сто восемьдесят девять голосов, он также легко может и отвергнуть официальных кандидатов, если заблагорассудит.

II. Сельские выборы. Здесь прежде всего представляется возражение, на которое необходимо ответить, чтобы дать полное понятие о выборах вообще и справедливо оценить народное движение не только в Париже, но и в департаментах. Мне весьма основательно замечали, что в приведенных мною таблицах выборов 1848, 1851 и 1852 годов городские и сельские голоса взяты безразлично вместе, между тем как по расположению работников Парижа и других больших городов никак нельзя судить о крестьянах, которые до сих пор остаются верны императору и продолжают идти под его знаменем. Так в 1863 году, когда Париж и другие большие города дали оппозиции 1,900,000 голосов, крестьяне дали правительству 5,500,000 голосов, что ставит его вне всякой опасности.

Оппозиция и её журналы объясняют эти неблагоприятные для них результаты невежеством сельского народонаселения сравнительно с городским, его изолированным положением, его робостью; по их уверениям, было бы совсем не то, если бы можно было действовать на него и руководить им, как городскими работниками... На это отвечает г. де Персиньи в речи, произнесенной им в Роанне: он цитирует римскую историю, говоря, что различие

результатов городских и сельских выборов доказывает зрелость мысли, благоразумие, последовательность и консерватизм, которые во все времена составляли отличительные свойства поселян сравнительно с беспокойной массой городского населения.

Из этого видно, как склонны все партии к самовосхвалению насчет своих противников, не обращая внимания на действительные факты и на истинные чувства народа. На чем основывается, спрашиваю, мнение, будто наши поселяне менее способны или более благоразумны, чем наши ремесленники? Не во сто ли раз рациональнее предположить, что как те, так и другие, будучи конечно способны заблудиться в политическом лабиринте, действуют прежде всего по внушению своих задушевных мыслей и своих интересов? Поэтому соображения парижской прессы всегда казались мне в высшей степени наглыми, равно как и историко-фантастические измышления г. де Персиньи. Постараемся же узнать, в чем интерес крестьянина и что говорит ему его задушевная мысль, и тогда мы узнаем, что должно думать о большинстве голосов, данном им правительству.

В последние сорок лет тот же разрыв, на который мы указали выше в городском населении между работником и буржуа, обнаруживается и в сельском населении между сельскими работниками и поземельными собственниками, особенно живущими в городах. Так как этот антагонизм имеет самый глубокий смысл, то мне, быть может, будут благодарны за его объяснение.

В городах старый принцип феодализма удержался и продолжает развиваться, изменив лишь форму. Об этом свидетельствует с одной стороны промышленный и финансовый феодализм, так хорошо умеющий при случае вразумлять средний класс и пролетариат; с другой – стремление большей части буржуазии, недовольствуясь своим званием чиновников, капиталистов, подрядчиков и негоциантов – присоединять ко всему этому еще звание крупных поземельных собственников, верховных обладателей почвы. Наконец, тоже доказывают известные коммунистические тенденции, некоторые плохо определившиеся корпоративные идеи рабочих классов. Между тем крестьяне сосредоточились на одной мысли: все более и более упрочивать за собою свободное пользование землей. Понятие о собственности, одним словом, неодинаково у горожан и у поселян: отсюда и различие в их образе действия. Один прежде всего добивается ренты, ищет чести обладания; другой стремится к независимому труду, желает быть полным господином в сельском быту. Для первого собственность есть лен, для второго она все еще аллод. Разумеется, я употребляю эти выражения для того только, чтобы яснее выразить мою мысль, вовсе не думая никому навязывать идеи, далеко превосходящие обыкновенные рутинные понятия. В самом деле, не найдется ни одного крестьянина, ни одного буржуа, исключая одних юристов, которые понимали бы значение этих терминов нашего древнего языка. А между тем эти слова, лен и аллод, выражают два различных права, два разные порядка вещей, два противоположные стремления, проявляющиеся в наше время в такой же силе, как и в средние века, и которые, по моему мнению, совершенно уничтожить даже невозможно. Теперь, как и прежде, мысль крестьянина сосредоточена на аллодиальном владении. Он инстинктивно ненавидит горожан, корпорации, цехи, мастерства, как ненавидел прежде помещиков-феодалов, и первая его забота состоит в том, чтобы изгнать пришлых рыночников, по выражению нашего древнего права. Он хочет владеть землей нераздельно и, при помощи этого владения, господствовать над городами и предписывать им свои законы. Эта мысль

преобладания земледелия над промышленностью есть та самая мысль, которая положила основание владычеству древнего Рима и решила победу этого земледельческого народа над могущественнейшими коммерческими и промышленными государствами древнего мира. В средние века она поддерживала феодализм, а в XVIII столетии была усвоена физиократами, но доселе еще неисчерпана. Отсюда глухая борьба, которая уже замечается в некоторых областях. Один из моих друзей выразил недавно эту мысль приблизительно в таких выражениях: «мы идем к открытой борьбе между городами и селами; крестьяне сделались богаты; три четверти городского населения находятся в нужде; первые, привлекаемые приманкою торговли и промышленности, мало по малу овладевают городами, между тем как вторые окончательно раздавлены этой новой конкуренцией и высшей буржуазией, главная квартира которой – Париж».

И так одна и та же мысль руководит сельскими и городскими работниками. В городах рабочие классы стремятся вытеснить буржуазию возвышением заработной платы, ассоциациями, коалициями, корпоративными обществами, обществами взаимного вспоможествования; в селах – возвышением цен на работу и жалованья слугам, цены на землю, устранением фермерств, дроблением арендных земель на мелкие участки и упрочением за собой мелкой собственности. И так, война эта ведется всюду, но до сих пор, вследствие отсутствия основной мысли, организации и тактики, не произвела решительных результатов. Люди взаимно теснят друг друга, уничтожают, давят; крестьянин, сосед или фермер, поденщик или слуга, старается всеми силами вредить буржуа собственнику, но ничто не помогает. Все остается по прежнему: класс работников и класс собственников, рента и аренда.

Республика 1848 года дала как крестьянам так и городским работникам избирательное право. Но между тем как городские работники, по примеру буржуазии, составляют оппозицию правительству, вотируя за одно с нею, поселянин, справедливо или нет, продолжает считать императора представителем аллодиальной системы, восторжествовавшей, благодаря революции и продаже национальных имуществ. Напротив того, в короле, протекторе буржуазии или главе дворянства, он видел всегда представителя лена, который его подозрительный взгляд видит теперь в лице капиталиста, фабриканта, директора торговых компаний, негоцианта, литератора или судьи. Наполеон I понимал это, и за то, несмотря на свое вероломство, так долго пользовался популярностью. Об этом можно судить по тому, что мы видели в 1830, 1840 и даже в 1852 г. Почти тоже теперь происходит в Италии, где крестьяне сожалеют об австрийском правительстве, естественном враге и противнике буржуазии, и проклинают конституционное королевство, как памятник победы ненавистных господ, *maladetti signori*.

Устройство железных дорог сильно способствовало обогащению многих департаментов, даже самых отдаленных от центров, особенно тех, где хлеб не составляет главного предмета производства, как в департаментах Эро, Гарда, Юры, Дуба и проч.[8]. Изобилие съестных припасов, явившееся вследствие огромного развития промышленности, обогатило крестьянина. Для него открылись иностранные рынки; многие предметы производства, как то: вино, плоды, овощи, которые в прежнее время потреблялись на месте за ничтожную цену, перевозятся теперь через огромные пространства и продаются с большим барышом. Поселянин не рассуждает о причинах: *Cum hoc, ergo propter hoc*; – все эти блага достались

ему в период империи, и он благодарит за них императора. Ему необходима земля, как работнику капитал и орудия труда, и он добьется её, купив её.

И так, дело крестьян и ремесленников дело общее. Сельская Marianne вполне соответствует городской Sociale. У них одни и те же враги. До 1863 оба великие класса, представляющие труд, крестьяне и ремесленники, без всяких предварительных соглашений вотировали за императора; крестьяне и в 1863 и 1864 годах остались верны императорскому знамени, между тем как ремесленники без достаточной причины перешли на сторону буржуазии. Я не говорю, что они поступили бы лучше, последовав примеру своих сельских братьев; но мне кажется, что было бы достойнее их подать им пример, объявив, что на будущее время они хотят действовать самостоятельно. Промышленная демократия Парижа и других больших городов, ушедшая вперед, должна позаботиться о примирении между своей партией и сельской демократией; ей следует позаботиться о том, чтобы не казаться аллодиалам поборницею лена. Конечно, Наполеон III, как и Наполеон I, представляется еще массе врагом старого порядка, покровителем поселянина против буржуазного феодализма. Под влиянием этого убеждения крестьяне вотировали за кандидатов правительства. Но наполеоновская идея стареется, как и все на свете; старый порядок далек от нас с тех пор, как на нем налег густой слой новых идей, законов, интересов; в обществе почувствовались новые потребности, и уже можно предвидеть день, когда и в провинции произойдет крутой поворот, какой случился в прошлом году в департаменте верхней Сены. На очереди стоят громадные задачи, разрешить которые власть неспособна. Дело идет о том, чтобы сочетать земледелие с промышленностью и этим примирить сельское и городское население; перестроить собственность по принципу взаимности и федеративного права; дать земледельческому классу новые учреждения; решить в пользу крестьян и ремесленников вопросы о кредите, о страховании, о наемной плате, о пекарнях, бойнях, огородничестве, о напитках и т. д.

Крестьянин питает непреодолимое отвращение к фермерству и арендаторству, как работник к задельной плате; гораздо легче помочь ему сделаться собственником и потом взять с него большой налог, как законную долю общества с поземельной ренты, чем согласить его вечно делиться с отсутствующим собственником произведениями земли и стад, добытыми тяжелым трудом.

И так, не смотря на кажущееся и в настоящих выборах действительно существующее разномыслие между сельскими и городскими работниками, в основании стремления их одни и те же. Цель их – полное освобождение работника, уничтожение поденной платы, изгнание рыночного барышника. С обеих сторон подавали голоса (т. е. те, кто подавал голоса, потому что с обеих сторон многие вовсе не вотировали) с одинаковым стремлением к реформам, с одинаковым сознанием силы и с одинаковым слепым увлечением.

И вот каков результат этих выборов, одинаково непонятных, как тем, кому они благоприятны, так и тем, кто перед ними дрожит, как оппозиции, так и министерству. Между тем как непонятые крестьянские выборы поселяют уверенность в правительстве и приводят в отчаяние наших мнимых либералов, городские, более ясные, сбили всех с толку. Они не только поразили правительство ужасом, поставили в тупик и смутили представителей либерального бонапартизма, покрыли позором официальных сводников,

думавших сочетать цезаризм с плебейством, подвергли мистификации самих мистификаторов, – они все разрушили, обратили коалиционный список в список разрыва, доказали нелепость парламентаризма. Устраивайте после этого конституционную монархию при этих ураганах всеобщей подачи голосов!..

Выборы обратили в ничто легальную оппозицию, подняли на смех честолюбцев и заклеили присягавших. О, если народ хотел этим предостеречь своих патронов, то он вполне достиг своей цели! Он поступил как бык, который, чувствуя голод и желая разбудить спящего пастуха, протыкает ему ребра рогами.

По поводу этого я имею честь заметить державному народу:

Да, Властелин, ты большинство и сила, и из того, что ты большинство и сила, следует, что ты обладаешь правом, которым по справедливости ты должен пользоваться; но ты еще должен иметь идею, из которой вытекает для тебя другое право, более высокое. Почему же на этих выборах, где ты так прямо заявил себя, ты не сделал ничего для этого другого твоего права? Зачем, вместо того, чтобы проводить твою идею с свойственной тебе энергией, ты поступил как раз против неё? Зачем ты, сильнейший из сильных, был груб и резок там, где следовало быть благоразумным? Знаешь ли, что своим поведением на выборах вместо того, чтобы подвинуть дело вперед, ты произвел только всеобщую путаницу? Выслушай же, что я тебе скажу: пока ты будешь только цифра и сила без идеи, ты будешь нуль; держава не будет принадлежать тебе; твои кандидаты будут отвергнуты, и ты останешься вьючным скотом.

Версия #4

Зверобой создал 16 марта 2025 00:32:32

Зверобой обновил 19 марта 2025 21:39:50